



Розенцвит Лазарь

Родился в 1930 году 15 июня в местечке Джурин Винницкой области. Отец мой был портным, мать — домохозяйка, воспитывала пятерых детей.

Когда началась Великая Отечественная война, отца и трех братьев забрали на фронт. В первый же день, когда немцы вошли в Джурин, они начали грабить еврейские дома, ломать все, что попадало им под руку.

В наш дом немцы вошли, когда дед Шлойме молился. Они сорвали с него тфилин и начали сильно избивать, вырвали бороду. Вскоре от побоев дед скончался.

Незадолго до появления немцев в Джурине к нам начали гнать беженцев из Бессарабии, Хотина, Румынии. Часть из них расселили по домам, а остальных поселили в синагоге. Синагога была последним прибежищем, оттуда живым никто уже не выходил. Мы жили рядом с синагогой, и все происходящее там видели своими глазами. Потом беженцы из Буковины, Германии создали комитет. Председателем комитета был Буксбойм. Но для нас, жителей местечка Джурин, он был нехорошим человеком.

В наш дом подселили шесть семейств, а нас: маму, меня и маленькую сестру — загнали в маленькую кухню с тремя женщинами. Мать пошла жаловаться на то, что в такой маленькой кухоньке невозможно повернуться, шестерым очень тесно. Буксбойм ответил, что если будете много говорить, то пойдете жить в синагогу.

Первое время, когда еще было что выменять на продукты, было терпимо, а когда вещи кончились, стало совсем плохо. Мы стали помогать людям копать картошку, за это нас кормили и давали немного картошки.

Наступившая зима была очень суровой, топить было нечем. Я ходил в лес и приносил дрова. Нельзя было выходить за пределы гетто, но я был маленький, незаметный. Маген Давид я не одевал, чтобы думали, что я украинец. В нашем доме жил один мужчина из Румынии. Видя, как бедно мы живем, он сказал, что хочет нам помочь. Он стал моим гарантом: хозяин давал мне газеты и спички. Каждый день я отчитывался перед ним, сколько продано, а остальной товар он забирал обратно. Немного повеселело в доме, каждый день я приносил в дом копейку. Можно было купить молоко и хлеб.

Но эта радость была недолгой. В одно прекрасное воскресенье я набрал много газет и спичек для продажи. И вдруг ощутил сильный удар плеткой. Это был главный плутонэр Костика. Он тянул меня за собой и при этом бил. Но мне удалось удрасть от него. Вся спина у меня была порезана плеткой, но о боли я не думал. Я думал только об одном, — где газеты и спички. Но мир не без добрых людей, я вернулся на место через два часа, и мне все отдали.

Пошли слухи: горят немецкие склады с обмундированием. Однако попасть туда невозможно, так как склады находились за территорией гетто. Собралось не-

сколько мальчиков, и мы решили обойти мост и добраться до складов. Добравшись до места, мы увидели очень много людей, конечно, не евреев. Мне удалось пробраться внутрь склада, и, схватив пару ботинок, я выбежал — было трудно дышать.

Вдруг подошли два немца и немка, и она спросила: «Что тут делает юда?» Немец тут же застрелил одного мальчика. Началась паника, все разбежались, кто куда.

Я схватил ботинки и через речку вброд, весь мокрый, замерзший добрался домой. Но ботинки я не бросил.

Немцы отступали больше ночью, чем днем. Мы все прятались в погребах, квартиры были пустые. Не было воды, и я решил пойти принести воду. Только вышел на улицу, прошел метров 20 и слышу, что немец зовет меня: «Ком, ком!». Немец, сидящий на лошади, показывал на мои ботинки. Он хотел, чтобы я отдал ему ботинки. Но я, долго не думая, давай бежать. Тогда он снял винтовку и начал стрелять в меня. Домой я не побежал, а побежал в синагогу. Немец преследовал меня и продолжал стрелять. Пока я бежал, я вспомнил, что сзади синагоги есть окно и решил запрыгнуть в него. Я влетел вместе с рамой и потерял сознание. Сколько я там пролежал, не знаю. Когда я пришел в себя, было уже темно и жутко холодно. Очень много трупов, и я лежу на них. После того, как я выбрался из синагоги, домой я не пошел. Рядом жил дед Лернер, и он меня впустил в свою квартиру и спрятал под кровать. Я попросил его сообщить моей маме, что я жив, ибо поползли слухи, что меня убили.

Настоящая радость пришла к нам 19 марта 1944 года. Мы долго не могли поверить, что не нужно больше прятаться, что на тебя не нацелено дуло винтовки, что никому не дано право тебя бить.

Мы радовались, наслаждались свободой.

